

18+

Владимир
Попов

На небесах
ещё светло...
Постскриптум

Владимир Попов

**На небесах ещё
светло... Постскриптум**

«Издательские решения»

Попов В.

На небесах ещё светло... Постскриптум / В. Попов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-607216-9

Стихи для этой книги автор собрал в 90-х годах прошлого столетия. Промелькнули годы, книга пополнилась новыми произведениями. Однако первоначальный замысел сохранился — разнохарактерные стихотворения, в которых «звучит» не только личная история поэта, но и история его страны — объединяет надежда на торжество добра и света.

ISBN 978-5-00-607216-9

© Попов В.
© Издательские решения

Содержание

Я сквозь время прошёл...	8
«На небесах горит огонь ...»	9
«Я сквозь время прошёл, как игла через ткань...»	10
Баллада о караване	11
«Хоть собака залаяла б, что ли... ...»	13
Лунные странники	14
«То ли сосны шумят...»	16
Свержение Перуна	17
«В поле сыч сычет...»	19
«Я накликаю беду ...»	20
«Поклонюсь до земли...»	21
«Обжигаясь торопливо...»	22
«Зашумит под окном обнажённая ветвь ...»	23
«Слышу птицы долгий голос...»	24
В старинном парке	25
«Прилетает зяблик-птица...»	26
Призрачная деревня	27
«Лешачиха – глаза с поволокой ...»	30
«Лешева дудка. Лешева дудка ...»	31
Северная мелодия	32
«Горели звёзды невысоко...»	33
«Я зарос бороною. В кармане дыра...»	34
«По старинному реченью...»	35
Ночная степь	36
«Ветер подул из гнилого угла...»	37
«Луна над вечернею хатой...»	38
У камина	39
«И день высок, и полночь глубока...»	40
На закате	41
«Вечерний август...»	42
«В багровом зареве дымился дальний лес...»	43
«Полночь. Лунные поляны...»	44
«Над землёю проносится ветер...»	45
Старый город	46
Снова Зевс похищает Европу	47
«Как только солнца погруженье...»	48
Капернаум	49
Бедный поэт	50
«В старой башне полночь бьют...»	51
Церковь Святого Лаврентия	52
Готическая осень	53
«Не знаю сам, как это получалось...»	56
У болота, у оврага	57
«Я пристану к берегам...»	58
Перед снегом	59
Злыдни	60

Красный кочет	61
«Туча небо заслонила...»	62
Кикимора	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

На небесах ещё светло... Постскриптум

Владимир Попов

Андрей Васильев *Компьютерный набор и составление*

Юлия Архирий *Вёрстка и составление*

Юлия Архирий *Фотограф*

Владимир Попов *наследники*

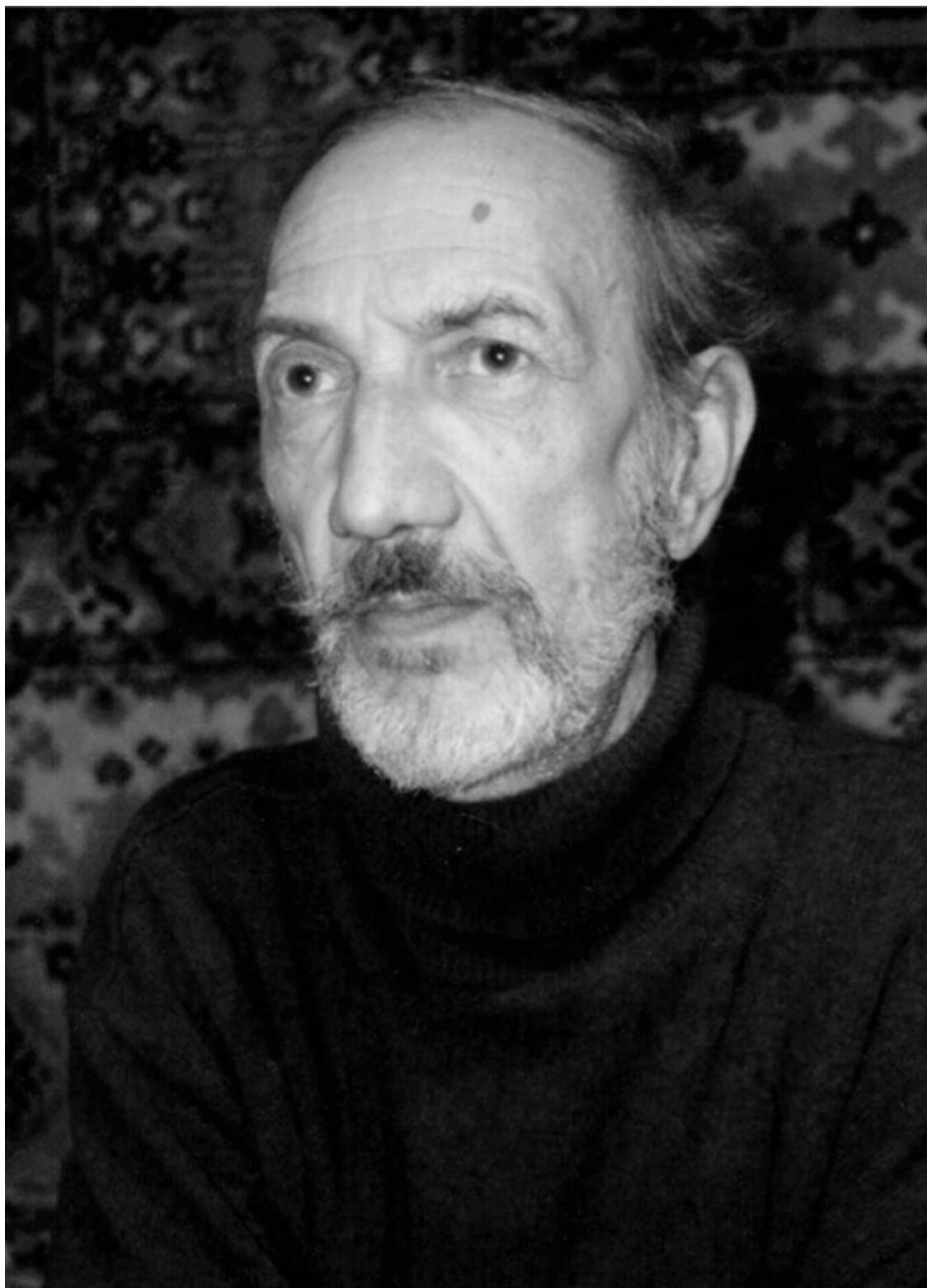
© Владимир Попов, 2023

© Юлия Архирий, фотографии, 2023

© Владимир Попов, наследники, 2023

ISBN 978-5-0060-7216-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я сквозь время прошёл...

«На небесах горит огонь ...»

На небесах горит огонь —
пылает небо в синей чаше.
На небесах горит огонь,
всепожигающий и страшный.

Он облака окрасил червлью.
И день погибнет без возврата...
И птица линию прочертит,
летя неслышно вдоль заката.

«Я сквозь время прошёл, как игла через ткань...»

Я сквозь время прошёл, как игла через ткань.
И туманом проплыл в предрассветную рань.

В заповедную рощу тайком я проник.
И уснул молодым, а проснулся – старик.

Оглянулся вокруг – только нет никого.
И закрыл я лицо золотым рукавом.

Баллада о караване

Касаясь колючих растений,
причудливо, страшно и странно
качались короткие тени
полуденного каравана.

На эту печальную пену
взирая глазами пустыми,
шагали верблюды и пели
печальную песню пустыни.

Вставали миржи невинно – а
сквозь пальцы просачивались.
Качались в горбах бедуины.
Качались – раскачивались.

Идут никуда ниоткуда
не первую тысячу дней
двенадцать облезлых верблюдов,
двенадцать угрюмых людей.

А люди, темны и раскосы,
мычали забытый мотив.
И змеи, как знаки вопроса,
вставали у них на пути.

Верблюды шагали степенно,
следуя за рассветной игрой.
И город всплывал постепенно
высокою синей иглой.

Сильней океанского вала
шумела людская молва.
Под стенами выл зазывала.
Стенал за стеною мулла.

В тени бородатые люди
смеялись и пили кумыс.
И лёгкая музыка лютни
спускалась по лестнице вниз.

И красного золота глыбы
лежали на жёлтом песке.
Рабыни, как чёрные рыбы,
плескались в зелёной воде.

Средь этого блеска и блуда,
средь пляшущих этих теней,
стояли двенадцать верблюдов,
стояли двенадцать людей.

Тряпицы с едой завернули,
пустой отшвырнули кувшин,
верблюдов за ноздри рванули
и молча в пустыню ушли.

Сверкали овальные башни.
А воздух дурманом дурил.
И город, прекрасный и страшный,
в высокие трубы трубил.

«Хоть собака залаяла б, что ли... ...»

Хоть собака залаяла б, что ли... —
я оглох в этой жуткой глуши.
Смотрит месяц в широкое поле:
ни живой и ни мёртвой души.

И чего непогоде неймётся? —
понеслась по снегам и по льдам.
Воет ветер
и сзади крадётся,
словно волк по горячим следам.

Зреют в небе огни золотые,
и сверкают колюче-остро.
Млечный Путь, как дорога Батыя,
полон ярких далёких костров.

Над землёю стоит непокой...
Чья-то тень на ветру замерзает,
будто женщина машет рукой.
Подхожу — а она исчезает.

Лунные странники

Когда одиноко
мне было невмочь,
я вышел из хижины
в лунную ночь.

По ясной дороге
пошёл через лес.
И было светло
от земли до небес.

И вижу: навстречу мне
лунной тропой
печальные люди
несметной толпой

идут друг за другом,
молчанье храня
и смотрят как будто
они сквозь меня.

Вот девы проходят
в спокойствии жутком —
синеют в руках
лепестки незабудки.

И древние старцы
сидят на повозке,
а лица возниц —
как из света и воска.

Стоял на тропе я
с душой иноверца,
но лунные кони
прошли через сердце.

И свет разливался
чудесным обманом.
И лунные камни
дымились туманом.

Я руки раскинул —
мольбой изошёл,
шагнул в середину —
сквозь камень прошёл.

Я был среди них
и, боясь оступиться,
пытался запомнить
бесплотные лица.

...И вышли на берег.
Всходили бесшумно,
по зыбкому трапу
на лунную шхуну.

А я повернулся
и шёл до рассвета,
в глуши укрываясь
от лунного ветра.

Вставала заря.
Петухи прокричали...
И встретил я утро
в любви и печали.

«То ли сосны шумят...»

То ли сосны шумят,
то ли ель ворохнулась.
То ли путник далёкой
дорогой идёт.

Одинокая мать
среди ночи проснулась
и тихонько-тихонько
ребёнка зовёт.

То ли мальчик, черпнув
осторожною горсткой,
по колено в воде,
воду тёмную пьёт...

Чудо-песня слышна:
то ли вепс вологодский,
то ли чудь белоглазая
под землёю поёт.

Свержение Перуна

Всходило солнце, грозное и злое,
и отгоняло полчища врагов.
И освещало капище – земное
пристанище уродливых богов.

Жрецы держали цепкими руками
кровавых безголовых петухов.
И жертвенник – огромный плоский камень —
дымился смрадом жжёных потрохов.

Сюда спешили всадники и лодки,
ползли калеки ради утешений.
А ночью псы друг другу рвали глотки
из-за остатков жертвоприношений.

Секирой вырубленный, деревоогромный,
тот истукан, кого боялись русы,
стоял Перун – бог молнии и грома,
сереброглавый и золотоусый.

Ногою твёрдой попирая камень
и выпучив невидящий зрачок,
держал, зажатый грубыми руками,
небесных молний скомканный пучок.

То не шумят деревья вешней веткой,
то не звенят весёлые ручьи:
то палками о медные тарелки
бьют, возглашая новость, бирючи.

Они сзывали на реку Почайну...
И неизвестность предвещала страх.
Мужчины хмурились.
И женщины молчали.
И плакали младенцы на руках.

И в ужасе застыли...
Словно режут
брат брата на предательском пиру:
с горы катился бог и громовержец —
огромный и чудовищный Перун.

И люди плакали, закрыв лицо руками.
Стояли в страхе, белые как мел...
Но молнии над ними не сверкали.

Небесный гром над ними не гремел.

«В поле сыч сычет...»

В поле сыч сычет.
Мать дитя кличет.

Древо лист ронит.
А старик стонет.

Да воды просит.
На земле осень.

На земле вечер.
В небесах вечность.

Мать дитя кличет.
В поле сыч сычет.

«Я накликаю беду ...»

Я накликаю беду – и
упаду на север:
головой в лебеду,
а ногами в клевер.

Кровью землю орошу,
диким зверем взвою,
сердце в небо отпущу,
а любовь зарою.

Поднимусь средь бела дня
цветом иван-чая...
Что-то здорово меня
от ветров качает.

«Поклонюсь до земли...»

Поклонюсь до земли.
Помолюсь на восход.
Вы на запад пошли —
я пошёл на восток.

Будет речь простодушной,
и кровь горячей.
Будет сумка пастушья
на костлявом плече.

От села до села
не достану рукой.
И сухая стрела
пропоёт надо мной.

«Обжигаясь торопливо...»

Обжигаясь торопливо,
слёзы чёрные лила:
из кладбищенской крапивы
ты рубахи мне плела.

Из реки тянула тину.
Созывала вороньё.
На трёх водах кипятила
приворотное питьё.

Поднялась заря-полмя. **ы**
Разыгрался ветер-вой...
Проросла судьба полынью —
самой горькою травой.

«Зашумит под окном обнажённая ветвь ...»

Зашумит под окном обнажённая ветвь —
стукнет в раму средь полночи чёрной.
Керосиновой лампы рассеянный свет
еле виден в окне закопчённом.

Эта ночь запрягла вороного коня
и впотьмах с улюлюканьем гонит.
И поэтому так под окном у меня
ветка гнётся под ветром и стонет.

И трава нашептала грозу ввечеру
жёлтой липе и красному клёну.
И свободные силы на воле ревут
над пространством пустым и бездонным.

Мёрзлый ветер потянет с другой стороны
небывалых дождей паутину.
То ли крики совы, то ли свист Сатаны
по ночам осыпает рябину.

«Слышу птицы долгий голос...»

Слышу птицы долгий голос.
На простор раскрыта дверь.
Паутины вдовый волос
собирается в кудель.

И медлительные сказы
происходят наяву...
И старик совиным глазом
долго смотрит в синеву.

В старинном парке

Целый день в старинном парке,
На скамейке у реки,
Три мегеры, словно Парки,
Крутят серые клубки.

Золотое солнце светит.
Берег влагой напоён.
И у ног играют дети
С незапамятных времён.

Облака проходят чинно,
Так же, словно в век иной, —
Чьи-то лица различимы
За воздушной пеленой.

Годы призрачно-иные
Не рассыплются во прах:
Чьи-то шёпоты ночные
Заблудились в камышах.

В доме том пустопорожнем,
Между сумрачных окон,
Дверь открылась осторожно:
Кто-то вышел на балкон.

Кто-то видит, кто-то слышит,
Кто-то что-то говорит...
То ли это ветер дышит,
То ль душа моя болит.

«Прилетает зяблик-птица...»

Прилетает зяблик-птица...
Окликают неба ширь
синим посвистом синица,
красным посвистом снегирь.

Обод солнечной короны
март повесил на гвоздок...
Строят строгие вороны
хворостинное гнездо.

Обнажилась у подворья
прошлогодня трава...
Как дорога в Лукоморье,
тает зимняя тропа.

Призрачная деревня

Подошёл к деревне...
В полночь
я подошёл к деревне...
Ни в одном окне
не было света,
и избы
тёмными громадами
обступили меня.
Ни людей, ни животных
не было слышно,
только на пустыре
ведьма косила крапиву
и охала: – Ох! Ох! —
то ли пела,
то ли стенала.
Огромная луна
пылала пожаром
и поджигала
проходящие облака.

Постучался в избу...
Постучался в крайнюю избу, —
двери не заперты, —
и наощупь прошёл в переднюю.
Зажёг свет и окликнул хозяев, —
Никто не отозвался.
Сел на лавку возле печки
и стал ждать.
Пахло хлебом
и разварной картошкой.

Замигала, погасла лампада...
Замигала, погасла лампада,
подошёл тихонько к иконе,
взглянул на лик Спасителя:
Он смотрел на меня с укоризной
строгими глазами.

Я вышел из избы,
и ночь обняла меня
прохладными руками.
Тяжело поднялась одинокая птица:
словно в ладоши, хлопала крыльями.
На берёзе встревожились листья...

Возле калитки,
возле калитки
я поднял детскую варежку
и повесил на изгородь...
Громко падали яблоки.
Шёл по деревне,
смотрел на дома,
а всюду было пусто:
живые души
исчезли из этого мира.

Над колодцем ветер...
Над колодцем ветер
раскачивал пустое ведро,
и тихонечко звякала цепь.
Я пошёл было дальше,
но пришлось
воротиться обратно:
через дорогу ползли змеи,
извиваясь серебристыми телами.

Шёл среди безмолвия
и представлял себе
петушиный крик
или мычание коровы,
или хотя бы скрип двери:
без этого было жутко.
– Шушушу! Шушушу! —
словно любопытные старухи,
за спиною
шушукались листья.

На пустыре
ведьма косила крапиву.
Я хотел было подойти,
но она оглянулась
и махнула рукой:
проходи, мол, проходи!
И я в последний раз
посмотрел на деревню:
она молча плыла
в предрассветном тумане...

Я вышел за околицу...
Я вышел за околицу
и побрёл по просёлочной дороге,
спотыкаясь о верстовые камни
и падая в задубелую колею,
а дорога зарастала следом

подорожником и иван-чаем,
подорожником и иван-чаем.

«Лешачиха – глаза с поволокой ...»

А. Ремизову

Лешачиха – глаза с поволокой —
ненароком прошла вдоль села.
Видел я из зашторенных окон:
парня в лес за собой увела.

Так измучила душу и тело,
что он ходит теперь сам не свой,
но сияет в глазах его серых
свет зелёный да свет голубой.

«Лешева дудка. Лешева дудка ...»

Лешева дудка. Лешева дудка —
старых времён золотая погудка.
Снова накрыло вечернею тенью
сорок колен соловьиного пенья.

Лешева дудка... Лешева дудка —
жизни жестокой хмельная минутка.
Как от восторга душа замирает:
леший плешивый на дудке играет!

Вновь соловей о любви говорит:
пламенем пышет игнем горит... **о**
Лешева дудка... Лешева дудка —
щёлкает, свищет
прекрасно и жутко.

Северная мелодия

Опадает осень. Опадает.
Вкусно тает жёлтая морошка.
Птица от земли не улетает.
Троль играет на губной гармошке.

Я лицом в окошко припадаю.
Восхожу на хриплые порожки.
Там, в избе, тихонечко играют —
троль играет на губной гармошке.

«Горели звёзды невысоко...»

Горели звёзды невысоко.
Шуршала палая листва.
Я ночевал в глуши глубокой
у одинокого костра.

Я замирал и чутко слушал,
дыханье долго затая:
вокруг бродили чьи-то души,
совсем бездомные, как я.

И ветер жаловался-плакал.
Остановилась река...
И подошла душа собаки
и ткнулась мордью в рукав.

А где-то выше, где-то выше —
гул самолёта вдалеке...
Душа коня совсем неслышно
спускалась медленно к реке.

Листвою палою шурша,
из темноты, совсем несмело,
тихонько женщины душа
пришла к костру, напротив села.

И чтобы листья прогорели,
я шевелил огонь прутом,
и становился на колени
пред женщиною и костром.

«Я зарос бородою. В кармане дыра...»

Я зарос бородою. В кармане дыра.
Нож в сапог. А глаза – как потёмки.
И в безумную ночь целовал до утра
дикуватые груди цыганской девчонки.

Наши грешные души висят на крестах.
Еле слышная музыка где-то играет.
Только чёрная степь да звезда в головах
одиноким свечою горит-догорает.

В вековой высоте, высоко-высоко
намечается ясно огня полыханье...
И дыханье земли так тепло и легко,
и сливается – чуткое – с нашим дыханьем.

Опускаюсь к ногам, отдаю свою жизнь.
Об одном и единственном чуде прошу я:
уходя навсегда, невзначай обернись —
прикоснись неземным и земным поцелуем.

«По старинному реченью...»

По старинному реченью,
вот уже который год
после праздника Крещенья
цыган шубу продаёт.

Птица чёрная летает
над кудрявой головой,
но никто не покупает
шубу драную его.

Вот стоит он утром ранним
на подтаявшем снегу.
А цыганочка цыганит
золотишко на серьгу.

И глаза посмотрят в душу,
и монеты зазвонят.
Зазвенит свирель пастушья —
чистый голос цыганят.

...На дворе морозец слабый
этой поздней порой.
Чутко спит цыганский табор
на ступенечках метро.

У Казанского вокзала
над судьбою ворожу...
Девка узел завязала —
всё никак не развяжу.

Ночная степь

То не гром гремит далёкий,
то не рыщет дикий вепрь —
скачет всадник одинокий
через сумрачную степь.

И ни зверя и ни птицы,
ни старухи-молодицы —
ни одной живой души
не слышать в ночной глуши.

Конь торпливо несётся о
и по ветру грива вьётся —
раздаётся конский топ,
как вбивают гвозди в гроб.

Одичалый конь несётся.
Темнота стоит стеной.
Только хохот раздаётся
за испуганной спиной.

«Ветер подул из гнилого угла...»

Ветер подул из гнилого угла:
с запада тучи нагрянули.
Небо закрыла тяжёлая мгла.
Молнии землю грянули. o

И захлебнулся слепой небосвод
грохотом мощного грома.
И вертикальные линии вод
падали долго и ровно.

В твердь ударяясь, цветами цвели! —
таяли и увядали.
И превращали неровность земли
в плоскость и горизонтали.

То, непонятно о чём сожалеючи,
мелкою дрожью дрожали.
То неподвижно лежали в ночи,
дальний огонь отражая.

«Луна над вечернею хатой...»

Луна над вечернею хатой
глядит с невысоких небес...
Мёд ведаёт лапой косматой
Бог Леса – строптивый Велс. е

Заблеяли овцы во мраке.
Вздохнул старый дуб на горе.
Опять задохнулись собаки
от брёха на дальнем дворе.

Я ночью проснулся и слушал:
под крышею стонут птенцы...
И долго в колхозной конюшне
копытами бьют жеребцы.

У камина (романс)

Побудь со мной ещё минутку,
В печальный час побудь со мной...
Как саламандры пляшут жутко
там, за решёткою сквозной!

Что будет там, за тем пределом:
за той прибрежною косой,
за тем туманом белым-белым,
за этой чёрной полосой?

А вьюга дикая хохочет...
И, разгребая спелый жар,
опять грустишь ты зимней ночью,
следа за пляской саламандр.

«И день высок, и полночь глубока...»

И день высок, и полночь глубока.
Я умер и воскрес. И жизнь течёт другая.
И женщина у чёрного окна
голубоватый свет не зажигает.

Прошло столетье или минул год? —
теперь всё так мучительно и странно:
девятая луна обходит небосвод,
как одинокий и печальный странник.

И я всё больше думаю о том,
пока всё дальше время отлетает:
на чёрный день оставляю старый дом,
где женщина огня не зажигает.

На закате

Я на закате шёл домой,
в глухие думы погружённый...
Открылся город надо мной,
на небесах сооружённый.

Перемещались тьмы и светлы.
И были красны и черн а ы
мосты сквозные, минареты,
зло изнутри освещены.

Продлилось долгое мгновенье...
И всё смешалось в стон и вой:
упали башни на колени
пред перевёрнутой арбой.

И разлетелись далеко
обломки красных облаков.

«Вечерний август...»

Вечерний август...
На синий лес
стоглазый Аргус
глядел с небес.

Опять природа
молчит веками.
Круг небосвода
тяжёл, как камень.

Стояла осень
уж на пороге.
Толпились сосны
лицом к дороге.

И веток струны
в ночи звучали.
И были думы
полны печали.

«В багровом зареве дымился дальний лес...»

В багровом зареве дымился дальний лес.
Горящий свет лежал на тучах рваных,
Высоко, головою до небес,
огняный столб стоял, прямой и странный.

Я слышал зов, но был неясен крик.
И чья-то тень качалась против света:
там горбоносый и худой старик
шагал навстречу мне в одежде ветхой.

Он шёл в лучах закатного огня,
под тяжестью невыносимого горя.
Тогда я ужаснулся: это я
иду через распаханное поле.

И я заплакал горько и нестыдно.
А он прошёл, рукой не помяя,
как будто он совсем меня , *не видел*
а, может быть, не видел он . *меня*

«Полночь. Лунные поляны...»

Полночь. Лунные поляны,
Крик совиный вдалеке.
Свет таинственный и странный
Проплывает по реке.

Ткёт кузнечик монотонно
Звук серебряный во мгле.
Звёздный ветер от Плутона
Приближается к Земле.

И виденья, как живые,
Предо мной – за рядом ряд.
Только псы сторожевые
Тайну вечную хранят.

Ночью легче оболочка
Между Космосом и мной...
И душа горящей точкой
Улетает в мир иной.

«Над землёю проносится ветер...»

Над землёю проносится ветер,
и звезда на небесном кругу
шевелится и дёргает цепи,
словно лодка на том берегу.

И миры проступают иные.
И свечение дальних часов.
И кричат голоса неземные,
словно птицы на пять голосов.

Будто я был, единственный, избран
понимать, ощущать, говорить,
что уходят вечерние избы
в темноту, за пределы земли.

И влечёт временное течение
золотые огни вдалеке.
И лежу на земле без движенья.
И плыву я по звёздной реке.

Старый город

Прекращается к вечеру гомон,
тишина, как в столетье ином.
Пахнет в улице хлебным фургоном,
конским потом и кислым вином.

Снова слышится тихое пенье.
Снова громко стрекочет сверчок.
И уходят двенадцать ступенек
в полутёмный подвал-кабачок.

В очаге, за решёткой чугуновой,
догорают слепые огни.
Лица женщин, как юные луны,
проступают у дальней стены.

Поднимая бокалы и роги,
вспоминая о светлом былом,
там сидят вместе люди и боги
за одним деревянным столом.

Снова Зевс похищает Европу

Волн прибрежных встревоженный ропот...
Необузданной страстью влеком,
снова Зевс похищает Европу,
притворившись влюблённым быком.

Нет от Зевса ни сна, ни покоя —
он блуждает по белому свету,
обернувшись морскою звездою
иль упавшею с неба кометой.

Он мотает седой бородою.
Затуманенным взглядом глядит...
И на тысячи вёрст над водою
крик безумный по ветру летит.

«Как только солнца погруженье...»

Как только солнца погруженье
начнётся в западном окне,
на небесах богослуженье
звучит в торжественном огне.

И в это зыбкое мгновенье,
неразличимое уже,
услышим мы молитвопенье
новорождённое в душе.

И за последними лучами,
не удивляясь чудесам,
апостол Пётр, звеня ключами,
пройдёт по тихим небесам.

Капернаум

Христос любил тот тихий городок,
где рыбаки, отвязывая лодки,
кричали – прочищали глотки, —
вина пригубив маленький глоток.

Он так любил сидеть на берегу,
задумавшись и грустно созерцая...
Он знал, что всё исчезнет-отмерцает
и превратится в отдалённый гул.

И этот мальчик с раковиной бледной,
и тот мужчина, от заката медный,
и эта девочка, и этот господин

уйдут с земли в такой же тихий вечер.
Что в этом мире ничего не вечно...
Лишь Он в веках останется один.

Бедный поэт (Из цикла "Сказки Лаврентия")

В середине августа было тепло...
На Старой Площади, в городе Э,
возле памятника Франсуа Вийону,
в субботу после полудня
собралось много народа.
(Было много детей и воздушных шариков).
Мэр произнёс торжественную речь.

Бедный Поэт прочитал стихотворение:
«Прощай, моя любовь!»
и пошёл по площади.
Толпа расступилась,
и ему под ноги сыпались цветы.

Поэт подошёл
к конопатому внуку кондитера Любке
и попросил одолжить воздушный шарик.
Бедный Поэт шёл через площадь
с воздушным шариком в руке
и улыбался.
На самом краю он поднялся в воздух
и полетел.
(Все поэты улетают на воздушных шарах).

Он поднимался всё выше и выше,
пока не превратился в светящуюся точку
и исчез.
На площади стояла тишина.
Внук кондитера Любке закрыл лицо
обеими ладошками и заплакал...

«В старой башне полночь бьют...»

В старой башне полночь бьют.
Мне в дорогу собираться...
В узкой комнате стою
под картиною голландца.

Знать, пришёл сюда не даром,
если так заведено,
что с двенадцатым ударом
оживает полотно.

Слышу пенье, слышу крики.
Вижу милое лицо.
Ах, с каким знакомым скрипом
повернулось колесо!

У моста костёр горит...
И с корзиною в руках
по мосту идёт Мария
в деревянных башмаках.

Тёплый хлеб лежит в корзине...
А на этом берегу
я участвую в картине,
как охотник на снегу.

Впереди бежит борзая:
обернётся и замрёт.
Я стою и замерзаю:
на картине снег идёт.

Я сбегая по пригорку:
обжигает руки ветер...
Пахнет дымом горько-горько
там, в семнадцатом столетье.

Церковь Святого Лаврентия

Войти по морю в Роттердам
и, чтоб увидеть мир окольный,
пешком, по дантовым кругам,
как тень, взойти на колокольню.

Внизу деревья, как камыш,
и фонари железной спицей,
между рядами острых крыш,
покрытых красной черепицей.

Там пароход ревёт, как вол...
И женщины спешат на мол
в который раз. В который раз...

Туман уходит понемногу.
И в башмаках на босу ногу
бредёт по городу Эразм.

Готическая осень (из музыкальной поэмы)

Когда приехал я сюда,
ледок был хрупок, как слюда.
И часто среди ночи

сова сидела у плеча,
и освещала стол свеча,
и на столе – подстрочник.

Здесь, как столетия назад,
был старый дом и старый сад
– недалеко от Риги.

Хозяин дома – добрый Ян:
поэт, художник, меломан —
картины, звуки, книги.

За узким стрельчатым окном
мне открывался окоём —
среди деревьев просинь.

То падал снег, то дождик лил,
а я сидел – переводил
«Готическую осень».

А время близилось к зиме,
и ветры шли из Курземе,
а мне хотелось солнца.

И, давней мукой сожжена,
поэта тайная жена звала:
– Пойдём, напьёмся!

И перед домом, на беду,
метался, как больной в бреду,
сад голый и бескровный.

Была свинцовой река.
Брели лениво облака,
как пёстрые коровы.

Здесь вечерами, как во сне,
бродили тени по стене,
без звука и без слова.

И я приветствовал рассвет,
приняв почти что в сорок лет
печать глухонемого.

А утром пили крепкий чай.
И Ян устроил невзначай
нам пешую прогулку.

Закрыв поспешно старый дом,
мы проскользнули за углом
в кривые переулки.

Нам мокрый снег летел в лицо.
Кружился ветер, как кольцо,
горланил дикой песней.

Но мы свободу обрели
и, взявшись за руки, брели
по тихому предместью.

Шаги отчётливо и гулко
звучат по рижским закоулкам,
когда всё выше, выше,

вечерним таинством полны,
восходят белые дым ы
над островерхой крышей.

Фонарщик, сухонький старик,
зажѐг слепые фонари
в глуши средневековой.

Пролѐтки мчались на меня,
и высекали сноп огня
булатные подковы.

Вдруг лист последний на скамью
упал в бульваре Падомью.
Темнели зданий горы.

И с Даугавы ветер дул,
и доносился дальний гул
из Домского собора.

Верша блистательный парад,
созвездья выстроились в ряд.
Держали мир колоссы.

Вращались Космоса валы.
И звуки были тяжелы,
как спелые колосья.

Заполонил хор и оркестр
пространство чуткое окрест
печалью, мукой, страстью.

И скрипку поднял сам Господь,
и превратился звук во плоть
в конце четвёртой части.

Через года, через века
проходит нотная строка
в глуши людского леса...

Когда природе голос дан,
звучит, как дальний океан,
«Торжественная месса».

И причиняет столько мук,
и заполняет чистый звук
открытое пространство.

Поют ночные голоса —
уходит эхо в небеса,
в покой и постоянство.

Туда, туда, моя любовь,
где, повторяясь вновь и вновь,
прощальные мимозы

лежат на крышке гробовой,
и нарушается покой
печальной Лакримозой!

«Не знаю сам, как это получалось...»

Не знаю сам, как это получалось,
но я сначала рисовал картины,
потом в бумагу всё переливалось.

Рябой мужик, дорога у плотины.
Обломанные сучья. Снежный двор.
Куст бузины и дерево рябины.

И солнечного леса певчий хор.
Знакомая избушка с русской печкой.
Сарай и снег. Поленница. Топор.

Всё оживало вдруг и шло навстречу,
приобретя характер и судьбу.
Я помнил ночь и утро, день и вечер.

И крик, и свист, и шёпот, и мольбу.
Я помнил чью-то смерть. И жизнь вначале,
под стоны сосен и ветров гульбу.

И всё жилó, светилось и дышало,
как тонкое осеннее крыло.
И от земли неслышно отделялось.

И долго в мироздании плыло.

У болота, у оврага

«Я пристану к берегам...»

Я пристану к берегам
где-то недалече,
где пристанище-дуга
на изгибе речки.

А потом пойду оттуда,
где вольготней и видней:
на речном мысу огруда
из светящихся камней.

Или лучше на угоре
заночую до утра:
вижу – счастье, вижу – горе
ходят ночью по дворам.

А потом пойду к воротам,
тихо сяду на крыльцо
там, где месяц косоротый
усмехается в лицо.

Перед снегом

Ветер ходит вдоль земли.
Каркают вороны.
Расшатались верей
в разные сторны. **o**

На воротах сена клок.
Прясла шиты лыком.
На дворе мычит телок:
мыкается мыком.

Осень. Долго длятся сутки.
Ветер ходит вдоль земли.
И повизгивают суки.
И вздыхают кобели.

Злыдни

Засыпают боги, слава Богу,
В это время, в этот самый раз
Вылезают злыдни на дорогу,
В одинокий сумеречный час.

То в селе собак перекусают,
Стянут от телеги колесо,
То кого-то насмерть напугают,
Перегаром выдохнут в лицо.

А народу больно и обидно,
Что гуляют, пока боги спят,
Папа-злыдень, и мамаша-злыдня,
И тринадцать вшивых злыденят.

Берегись! Едва наступит вечер
Злыдни, только задом наперёд,
Принимают облик человеческий —
И тогда сам чёрт не разберёт.

Даже днём, не то что тёмной ночью,
В наш жестокий и прекрасный век
Очень трудно разобрать наощупь,
То ли злыдень, то ли человек.

Красный кочет

В небесах, на склоне ночи
пролетает Красный Кочет:
разгребает жар зари
за пределами Земли.

И опустится на крышу,
и три раза пропоёт.
А поднимется повыше —
звёзды яркие клюёт.

На ветру да на свободе,
на рассвете – поутру
ходит важно в небосводе,
как по сельскому двору.

«Туча небо заслонила...»

Туча небо заслонила
и прошла. И видно мне:
Каин Авеля на вилы
поднимает на Луне.

Посмотрел: лежит опушка
вся в холодном серебре.
Поглядел: стоит избушка
на потерянной тропе.

В три соломы крыша крыта.
В три приступочки – крыльцо.
Дверь тяжёлая закрыта
на железное кольцо.

И горит в избе огонь...
Сладко сердце замирает:
плавно гривою играет
под окошком рыжий конь.

И когда я от крылечка
тронул дикого коня,
зазвенела вдруг уздечка,
словно речка по камням.

Он поднял меня высоко —
ясным солнцем озарил.
Покосился диким оком
от восхода до зари.

И умчал меня на волю,
разорвав небес завесу,
где вечерницы над полем.
Где полночницы над лесом.

Кикимора

У болота, у оврага
заскрипит сухая ель.
Золотая птица Кага
покачает колыбель.

От темна до бела света
бает сказки Кот-Баюн.
Спит дитя седьмое лето
во хрустальном короб. у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.